

Политика и стратегия Германии накануне Второй мировой войны (1938–1939 гг.)

В. И. Дашичев*

Исследование европейской истории, охватывающей период 1938–1939 гг., представляет собой большой политический и научный интерес, поскольку с марта 1938 г., после захвата Германией Австрии, стало ясно, что очередной жертвой агрессивных вождельней А. Гитлера станет Чехословакия и что Европа вступила в предвоенный политический кризис. Выявление особенностей, причин и факторов развития предвоенного кризиса не утратило своего значения и для современности. Ведь в послевоенное время международное сообщество пережило несколько политических кризисов, способных стать предвоенными. Так было, например, во время берлинской блокады 1948 г., организованной по указанию И. В. Сталина, или советско-американского конфликта 1962 г., разразившегося в связи с попыткой Н. С. Хрущева разместить ядерные ракеты на Кубе. Тогда войны удалось избежать, поскольку в международной политике решающую роль стал играть новый сдерживающий фактор — ядерное устрашение. Как представляется, в самое последнее время в Европе проявились тревожные тенденции нового предвоенного политического кризиса в результате американской политики военно-стратегического окружения России, выразившейся в расширении НАТО на восток, непосредственно к «болезненной зоне» России, в планах размещения системы противоракетной обороны США в Восточной Европе, втягивания в НАТО Украины и Грузии, создания американских военных баз на Черном море и по периметру российских границ, в стимулировании и организации конфликтов и напряженности между Россией и соседними с ней государствами постсоветского пространства.

Как свидетельствует исторический опыт, основной причиной возникновения предвоенных

политических кризисов и опасности войны служит великодержавная политика господства. Это наглядно иллюстрирует модель политики гитлеровского руководства, поставившего своей целью установить господство нацистской Германии в Европе. Достигнуть этой цели можно было тогда только военным путем. Поэтому в международной обстановке конца 1930-х гг. центральная задача этой политики состояла в том, чтобы обеспечить стратегические условия для поочередного сокрушения в молниеносных военных кампаниях главных европейских держав и избежать одновременной затяжной борьбы на два фронта. Эта задача обуславливалась своеобразием стратегического положения Германии в центре Европы — между Францией и Великобританией на западе и Советским Союзом на востоке. Поочередный разгром или нейтрализация этих великих держав рассматривались в качестве решающей предпосылки для дальнейшей — после установления гегемонии в Европе — борьбы Германии за мировое господство.

Характер решения данной проблемы в большой степени повлиял на дипломатию Германии, строительство и использование ее вооруженных сил, подготовку театров военных действий, а также предопределил особенности вооруженной борьбы в Европе во Второй мировой войне. Изучение данной проблемы выявляет полную несостоятельность распространяемого некоторыми историками ФРГ тезиса о том, что гитлеровское командование к сентябрю 1939 г. не имело «общего плана войны» («Gesamtkriegsplan»).

В политической и военной стратегии Германии накануне и в ходе Второй мировой войны легко обнаруживаются черты, общие со стратегическим и политическим планированием кайзеровской Германии, поскольку в преддверии обеих мировых войн

* Вячеслав Иванович Дашичев — профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН.

перед германским руководством стояли одни и те же вопросы.

1. Возможно ли с политической и военной точек зрения решить задачу последовательного разгрома Франции, Великобритании и России (СССР), превосходивших Германию по совокупной мощи вооруженных сил?
2. Как наилучшим образом обеспечить политические, экономические и стратегические условия ведения войны?
3. Где наносить первый удар — на западе или на востоке?
4. Каковы способы сокрушения основных противников Германии в Европе?

В целом, руководство и кайзеровской, и нацистской Германии подошло к решению этих проблем примерно одинаково. Поэтому, чтобы лучше раскрыть существо нацистской политической и стратегической концепции накануне Второй мировой войны, необходимо рассмотреть ее исторические корни.

Как известно, европейский баланс сил, который Германия пыталась разрушить в ходе Первой мировой войны, сложился на рубеже XIX и XX веков. С образованием Антанты агрессивным устремлениям Германии противостояли не только самые сильные континентальные державы — Франция и Россия, — но и наиболее могущественный морской соперник в лице Великобритании. В политическом отношении германские правящие круги не смогли ничего сделать, чтобы расстроить Антанту или хотя бы добиться нейтралитета одного из своих соперников на период войны. Этого не позволяли непримиримые противоречия между империалистическими блоками. Следовательно, Германия никак не могла избежать в случае войны крайне опасной для нее необходимости ведения одновременной борьбы на два фронта. На этот случай в арсенале германской дипломатии оставалось фактически одно средство для улучшения политических и стратегических позиций — создать противовес России на ее южном фланге в лице Турции и отдельных балканских государств и сковать Францию с юга путем привлечения на свою сторону Испании и Италии, что к тому же поставило бы под угрозу средиземноморские коммуникации западных союзников. Однако полностью добиться этой цели к началу Первой мировой войны Германии так и не удалось.

Если к этому добавить, что германское военно-политическое руководство игнорировало возможность выступления США и Японии на стороне Антанты, то станет ясно: в политическом отношении война против коалиции европейских держав в 1914 г. Германией подготовлена не была. Но для этого и не имелось объективных предпосылок. И если, несмотря на шаткость политических и стратегических позиций Германии, ее правящие круги решились развязать мировую войну, то это объясняется тем, что они надеялись быстро добиться успеха с помощью военных средств, даже

несмотря на отсутствие для этого благоприятных условий. Немецкие стратеги рассчитывали сокрушить вражескую коалицию прежде, чем она успеет собраться с силами для совместного удара по Германии.

Основным вопросом стратегии кайзеровский генеральный штаб считал правильный выбор направления главных усилий в войне: где наносить первый и решающий удар — по Франции или по России. Необходимость поочередного разгрома этих держав мотивировалась тем, что, вместе взятые, они превосходили по силе Германию, и последняя не могла придерживаться наступательной стратегии одновременно на Восточном и Западном фронтах. Поэтому германские стратеги рассчитывали на успех в войне лишь в том случае, если, ведя оборону минимальными силами на одном фронте, они предпримут широкое наступление большей частью армии на другом фронте. При таком образе действий альфой и омегой победоносного исхода войны они считали быстроту сокрушения противника, против которого будет направлен первый удар. Отсюда вытекали принципы скоротечной, «молниеносной» войны.

В конечном итоге решающее значение имело соображение, где можно добиться наиболее быстрой и полной победы — на Восточном или Западном фронте. Изучая эту проблему, начальник германского генерального штаба Г. фон Мольтке-старший, по мере того как Франция оправлялась от поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 гг., все больше склонялся к выводу, что первый удар следует наносить на западе, по более сильному противнику. Он рассчитывал ввиду «медлительности» восточного противника и вероятного нейтралитета Великобритании разгромить Францию еще до того, как Россия успеет отмотилизовать и сосредоточить свою армию¹.

Однако после заключения в 1879 г. австро-германского договора существенно изменились условия ведения войны против России, и Мольтке-старший принимает новое решение о нанесении первого удара на востоке. Он планировал уничтожить русскую армию одновременным наступлением половины сил немецкой армии из Восточной Пруссии и всей австро-венгерской армии из Галиции. В период наступления на востоке против Франции предполагалось вести оборонительные операции другой половиной, а по более позднему варианту — третьей частью сил германской армии².

Этой концепции придерживались и преемники Мольтке — А. фон Вальдерзее и, некоторое время, А. фон Шлиффен. На ней на протяжении почти 14 лет (до 1894 г.) основывалось стратегическое планирование германским генеральным штабом войны на два фронта.

Заключение франко-русского союза, усиление русской армии, улучшение ее мобилизационных возможностей в связи с постройкой новых железных дорог, возведение системы укреплений вдоль границ с Восточной Пруссией, а также быстрый рост военно-

го и экономического могущества Франции побудили А. фон Шлиффена пересмотреть весь план войны. Уже в 1892 г. он стал серьезно сомневаться в успехе первого удара по России. Ему приходилось считаться с историческим опытом, который свидетельствовал, что для иноземных завоевателей путь на восток всегда был сопряжен с величайшими трудностями и смертельным риском. Еще К. фон Клаузевиц, анализируя опыт наполеоновского нашествия на Россию, писал: «Россия своей кампанией 1812 г. засвидетельствовала, во-первых, что государство с большой территорией не может быть завоевано (что, впрочем, можно было бы знать и заранее) и, во-вторых, что вероятность конечного успеха не во всех случаях уменьшается в соответствии с числом проигранных сражений и потерянных столиц и провинций..., но что именно в сердце своей страны обороняющийся может оказаться всего сильнее, когда сила наступления противника уже истощится, а оборона с невероятной мощью вдруг перейдет в наступление...»³.

Бескрайность Восточного театра военных действий, отсутствие на нем развитой сети железных дорог, громадные людские ресурсы России, стойкость русского народа в защите Родины, суровые климатические условия, отсутствие реальных шансов навязать русской армии генеральное сражение в пространстве между Вислой и Бугом с целью ее решительного разгрома, а тем более предотвратить ее отход в безграничные просторы русской земли — все это оставляло для германских стратегов мало надежды на быстрый успех на Восточном фронте. Нанесение первого удара по России, вероятней всего, вылилось бы в затяжную войну на истощение, что было для Германии равносильно поражению. В самом лучшем случае германское командование могло рассчитывать лишь на временное ослабление наступательной мощи русской армии, но это не снимало необходимости ведения войны на два фронта.

Против первого удара по России говорило еще одно очень важное обстоятельство — угроза нанесения Францией смертельного удара в промышленное сердце Германии — Рейнско-Вестфальскую область. И германская армия не смогла бы воспрепятствовать этому, если ее основные силы завязли в боях на востоке. «Противник, — писал один из видных германских военных теоретиков Г. Куль, — ни в коем случае не должен был быть допущен до Рейна, так как иначе крайне пострадала бы наша Рейнско-Вестфальская промышленная область и мы потеряли бы Саарский угольный и Лотарингский рудный районы. Потеря же упомянутой области на Западе привела бы к невозможности продолжать войну»⁴.

Иные перспективы для германских политиков и стратегов сулило наступление против Франции. Ограниченность ее территории, близость от немецкой границы ее жизненно важных промышленных и административных центров, казалось, создавали благоприятные условия для того, чтобы, сосредото-

чив на Западном фронте крупные силы, предпринять попытку решительного разгрома французской армии, быстро поразить Францию в самое сердце, вывести ее из войны и тем самым исключить угрозу с запада на период похода против России. Эта идея и была положена в основу известного плана А. фон Шлиффена, развитого в его памятной записке от декабря 1905 г.⁵

Таким образом, кайзеровский генеральный штаб пришел, исходя из оценки объективных условий, к выводу, что единственная возможность избежать изнурительной и бесперспективной войны на два фронта открывается в случае быстрого и победоносного наступления на Западном фронте против Франции. Россия как объект первого стратегического удара отпадала.

Разработанный германским генеральным штабом план сокрушения Франции строился целиком и полностью на идее «скоротечной войны». И это вполне понятно — затяжные боевые действия создавали для Германии неразрешимые трудности политического, военного и экономического характера. В первую очередь они могли повлечь за собой угрозу крупного наступления России на Восточном фронте, вызвать расширение антигерманской коалиции, ослабить влияние Германии на союзные ей и нейтральные страны, ухудшить продовольственное положение, сузить сырьевую и производственную базы, создать опасность социальных потрясений внутри страны.

К наиболее существенным чертам стратегического плана, с которым Германия вступила в Первую мировую войну, относятся следующие.

1. Сосредоточение на Западном фронте подавляющей части сил с оставлением на востоке минимального количества войск, необходимых для ведения активной обороны против русской армии. Силы Западного фронта составляли около 80% всей германской сухопутной армии.
2. Идея разгрома Франции с помощью гигантского стратегического охвата и нанесения главного удара сильным правым крылом Западного фронта на наименее прикрытом противником участке, через нейтральные Бельгию и Люксембург в направлении Парижа. После захвата французской столицы предполагалось повернуть ударную группировку войск на восток с целью окружения и окончательного уничтожения армии противника, прижатой с запада к германским границам и Швейцарии.
3. Небывалое массирование сил на направлении главного удара, особенно в 35-километровой полосе прорыва между голландской границей и Мальмеди, где была сосредоточена в глубоком оперативном построении почти половина всех войск, развернутых против Франции (при общем равном соотношении сил сторон на Западном фронте). Возлагая все надежды на сокрушающую мощь первоначального удара,

германский генеральный штаб оставил Западный фронт фактически без стратегических резервов.

4. Наступление против Франции было основано на принципе стремительного продвижения вперед, чтобы не давать застигнутому врасплох противнику времени для организации обороны на новых рубежах.

Германский план войны не учитывал целого ряда важнейших политических, военных и экономических факторов, исходил из ложных предпосылок, а потому являлся глубоко авантюристическим и потерпел в конечном итоге полный провал⁶. Тем не менее, план войны, разработанный и принятый уже в нацистской Германии, был как две капли воды похож на своего предшественника. Вместе с тем, международные условия для его выполнения стали существенно иными. Важнейшим фактором, изменившим всю стратегическую ситуацию и расстановку сил в Европе, явилось отпадение от капитализма России — бывшего союзника Франции и Великобритании в борьбе против Германии. Общности интересов, на которой основывалась Антанта, больше не существовало. К сложному переплетению межимпериалистических противоречий на международной арене прибавился новый антагонизм — между социализмом и капитализмом. Это радикально изменило взаимоотношения в лагере потенциальных противников Германии. Противоречивый характер этих отношений определялся, с одной стороны, классовым антагонизмом между Советским Союзом и западными державами, а с другой — необходимостью борьбы против новой, угрожавшей всем германской агрессии. Отсюда в политике Великобритании и Франции по отношению к Советскому Союзу выявились две тенденции: во-первых, резко выраженная антикоммунистическая и антисоветская направленность, во-вторых, стремление использовать Советский Союз в борьбе против агрессивных планов Германии, угрожавших британским и французским жизненным интересам.

Первая тенденция до определенного времени носила более устойчивый и сильный характер⁷. Это, как ничто иное, вселяло в германских политиков надежды на возможность добиться того, что им не удалось сделать до 1914 г., — расстроить образование антигерманской коалиции и тем самым избежать в новой войне необходимости одновременной борьбы на два фронта. Резкое обострение межимпериалистических противоречий, порожденное Версальско-Вашингтонской системой, также создавало благоприятную почву для подготовки нацистской Германией реванша. Немаловажную роль сыграли в этом и противоречия между державами-победительницами.

Изменившаяся международная обстановка побуждала Францию искать новые способы сдерживания своего исторического противника. Этой цели французы рассчитывали достичь путем ослабления Германии: отторжения от нее или, по меньшей мере, демилитаризации Рейнской области, ограничения

ее вооружений, выкачивания из нее контрибуций, а также создания системы союзов со странами Центральной и Юго-Восточной Европы (Малой Антанты). Немалые надежды с точки зрения «самообеспечения» безопасности Франции возлагались на «линию Мажино», строительство которой началось в 1930 г.

Правящие круги Франции пытались также обеспечить свои интересы в Европе посредством гарантийного пакта с США и Великобританией, однако такой путь оказался нереальным. Американский Сенат не ратифицировал этот пакт. Интересы США в Европе резко сталкивались с французскими и были направлены на возрождение военного могущества Германии. Великобритания, верная своему старому принципу поддержания равновесия сил в Европе, также не могла допустить французской гегемонии, постепенно вернулась к своей традиционной политике и начала выступать в пользу Германии, чтобы создать противовес Франции, а также оплот борьбы против Советского Союза.

Рост военной угрозы со стороны Германии с приходом к власти А. Гитлера заставил наиболее дальновидных представителей правящих кругов Франции — таких как Л. Барту и Э. Эррио — вновь обратиться к идее традиционного союза с Россией (СССР), который и был заключен в мае 1935 г. Этот договор мог бы послужить надежной основой коллективной безопасности в Европе, если бы не был перечеркнут последующей мюнхенской политикой Франции и ее британских партнеров. Здравые интересы национальной безопасности уступили место в политике английских и французских правящих кругов идее канализировать агрессию нацистской Германии на восток, втравить ее в военный конфликт с Советским Союзом, заставить обе эти державы обескровить друг друга в обоюдной борьбе, чтобы затем продиктовать им свои условия. Этот внешнеполитический курс исходил из совершенно неверной оценки действительных стратегических планов гитлеровского руководства и открывал перед ним такие возможности избежать войны на два фронта, о которых ранее кайзеровские генералы не смели даже мечтать.

Новым обстоятельством, значительно усложнившим Германии подготовку войны, явилась проблема «буферных государств» — Австрии, Чехословакии, Польши, прибалтийских стран. Накануне Первой мировой войны Германия и Австро-Венгрия, занимая срединное положение в Европе и непосредственно гранича с Россией и Францией, могли беспрепятственно развернуть свои вооруженные силы у границ этих держав в соответствии с планом войны и открыть в нужный момент боевые действия.

После Первой мировой войны в Центральной и Восточной Европе возник ряд малых и средних государств. Германия оказалась отделенной территориально от Советского Союза. Поэтому нацистскому руководству, прежде чем начать войну за господство в Европе, необходимо было обеспечить себе выгод-

ные стратегические позиции путем устранения или подчинения этих государств. На первом этапе подготовки агрессии выполнение этой задачи имело для Германии доминирующее значение. Оно являлось преддверием к борьбе против главных противников в Европе. Это нашло свое отражение во внешнеполитическом и военно-стратегическом планировании германским руководством в 1935–1939 гг. операций по захвату Австрии (план «Отто»), Чехословакии (план «Грюн»), Польши (план «Вайс»).

Важнейшая задача внешней политики Германии в этот период состояла в том, чтобы предотвратить возникновение новой антигерманской коалиции великих держав. Ловко играя на антисоветских устремлениях западных держав, она неизменно продвигалась к этой цели. «Официально, — говорил И. фон Риббентроп, раскрывая смысл политики Германии, — в качестве врага будет названа Россия, но в действительности все будет направлено против Франции и Англии. Выступление одновременно против Англии, Франции и России было ошибкой, и она не должна быть повторена»⁸.

Во внешнеполитической пропаганде Германии подчеркнутое значение придавалось борьбе против большевизма. Так обеспечивалась подготовка мюнхенского соглашения между А. Гитлером, Н. Чемберленом и Э. Даладье. Эта сделка была воспринята И. В. Сталиным как стремление западных демократий канализировать экспансию Германии на восток, против Советского Союза. Для подозрительной натуры Сталина, обремененной к тому же идеологическими соображениями, это послужило веским основанием для поиска аналогичной сделки с Гитлером, направленной против Франции и Великобритании. Мюнхен, безусловно, сыграл роковую роль в продвижении Европы на пути ко Второй мировой войне.

Не менее важной задачей германской дипломатии являлось заблаговременное создание коалиции, которая должна была облегчить Германии борьбу против главных противников в Европе. Ее усилия на этом направлении увенчались оформлением в октябре 1936 г. «Оси» Рим — Берлин, а годом позже — Антикоминтерновского пакта Германии, Италии и Японии, дававшего Германии возможность обеспечить себе выгодные исходные позиции для войны против Великобритании, Франции, Советского Союза и США. «Цель сотрудничества, установленного пактом трех, — говорилось в директиве А. Гитлера № 24, — должна заключаться в том, чтобы как можно быстрее побудить Японию к активным действиям на Дальнем Востоке. Благодаря этому будут скованы крупные английские силы, а основное внимание Соединенных Штатов Америки привлечено к Тихому океану»⁹.

Большие надежды гитлеровское руководство возлагало и на взаимодействие германских и японских вооруженных сил в борьбе против Советского Союза, что поставило бы его армию перед необходимостью вести борьбу на два фронта.

Крупное значение придавалось обеспечению политических и стратегических позиций на Пиренейском полуострове для окружения Франции и подрыва британских коммуникаций на Средиземном море. Одной из главных задач присутствия немецких войск в Испании являлось достижение именно этой цели.

Установление господства в странах Балканского полуострова также рассматривалось как важнейшее условие для ведения большой европейской войны. Активность германской дипломатии на этом направлении привела к присоединению к Тройственному пакту Венгрии и Болгарии. Чтобы разрушить систему союзов Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе, Германия предпринимала усиленные попытки перетянуть на свою сторону Польшу и Югославию. Одновременно это должно было обеспечить ей благоприятные возможности для нападения на Советский Союз. Таковы были основные направления деятельности германской дипломатии, нацеленной на создание благоприятных политических и стратегических условий для поочередного разгрома Франции, Великобритании и Советского Союза.

Таким образом, если накануне Первой мировой войны стратегическая концепция Германии не включала одновременной борьбы на два фронта, из чего исходил план А. фон Шлиффена, то ко Второй мировой войне А. Гитлер и его генералы шли с надеждой, что им при определенных условиях удастся избежать такой борьбы. Вопрос о том, где наносить первый удар в войне — на западе или на востоке, гитлеровское руководство решало в общем так же, как и кайзеровский генеральный штаб.

Что касается британской проблемы, то подход к ней А. Гитлера с течением времени претерпел существенные изменения. С середины 1920-х гг. он считал возможным найти общий язык с Великобританией на почве размежевания сфер интересов и тем самым удержать ее вне войны на континенте. «При самом трезвом и холодном размышлении, — писал Гитлер, — ныне в первую очередь Англия и Италия являются теми двумя государствами, чьи естественные собственные интересы по меньшей мере в самом существе не противоречат жизненным основам немецкого народа и даже в определенной мере совпадают с ними»¹⁰. Достижение союза с Великобританией, по идее Гитлера, привело бы к распаду антигерманской коалиции, позволило бы Германии успешно вести войну и «рассчитаться» с ее «смертельным врагом» — Францией¹¹.

Эта ранняя стратегическая концепция А. Гитлера, предусматривавшая нейтрализацию Великобритании с целью создания условий для разгрома Франции и последующего нападения на Советский Союз, нашла свое отражение также в рукописи «Второй книги» Гитлера, написанной в 1928 г., но не изданной по «государственным соображениям» при нацистском режиме. Она была опубликована в ФРГ лишь в 1961 г.¹².

В подготовке войны германское руководство придавало решающее значение игре на противоречиях между СССР и западными державами, стремясь разобщить их, изолировать друг от друга. При благоприятных обстоятельствах А. Гитлер считал возможным и необходимым пойти даже на временное сближение с Советским Союзом. Смысл такого сближения он объяснял в одной из бесед с Г. Раушнинггом в 1934 г. так: «Вероятно, мне не избежать союза с Россией. Я придержу его в руке как последний козырь. Возможно, это будет решающая игра моей жизни. Ее нельзя преждевременно начинать... Но она никогда не удержит меня от того, чтобы столь же решительно изменить курс и напасть на Россию после того, как я достигну своих целей на западе. Глупо было бы думать, что мы будем всегда идти прямолинейно, куда глядит нос, в нашей борьбе. Мы будем менять фронты, и не только военные...»¹³.

Вопреки расчетам А. Гитлера и его окружения развитие политических событий показало, что британские правящие круги не откажутся от своей традиционной политики поддержания равновесия сил в Европе и недопущения гегемонии какой-либо одной державы. Они недвусмысленно дали германскому правительству понять, что будут защищать свои интересы на Рейне. Стало очевидно, что экспансия Германии в Европе неизбежно приведет к военному конфликту и с Великобританией. В донесении от января 1938 г. И. фон Риббентроп писал в Берлин: «Англия не хочет иметь по соседству слишком могущественную Германию, которая была бы постоянной угрозой для нее. Она будет бороться против этого»¹⁴. На совещании высшего генералитета 23 мая 1939 г. А. Гитлер констатировал: «Необходимо готовиться к борьбе. Англия видит в нашем развитии опасность возникновения господствующей державы, которая подорвет ее могущество. Поэтому Англия — наш враг, и борьба с ней будет не на жизнь, а на смерть»¹⁵.

Тем не менее, решение о нанесении первого удара в войне на западе осталось неизменным. Объективные условия, по мнению гитлеровского руководства, не позволяли Германии начинать борьбу против главных противников с нападения на Советский Союз. В войне на востоке фактор пространства действовал против фактора времени. Это шло вразрез со стратегией «блицкрига». Обосновывая принятую нацистским руководством последовательность нанесения решающих ударов, один из ведущих стратегов вермахта генерал А. Йодль говорил: «Война с Россией — это такая война, где знаешь, как начать, но не знаешь, чем она кончится. Россия — это не Югославия и не Франция, где войну можно быстро довести до конца. Пространства России неизмеримы, и нельзя было предположить, что мы можем идти до Владивостока»¹⁶.

Кроме того, командование вермахта полностью отдавало себе отчет в том, что западные державы могут и будут терпеть германскую агрессию на восток до поры до времени, пока она не перерастет для

них самих в реальную опасность, после чего следовало ожидать их выступления против Германии. А это грозило снова вызвать затяжную войну на два фронта. Причем на западе союзники могли захватить и парализовать жизненные центры Германии, без которых она не могла продолжать борьбу. «Самая большая и грозная опасность, — указывалось в одной из директив А. Гитлера, — заключается в следующем. Предпосылкой любого успешного ведения войны является обеспечение бесперебойной работы Рурской области. Всякое серьезное нарушение производства в этой области не может быть восполнено производством в других районах. И это рано или поздно может привести к подрыву немецкой военной экономики и тем самым военной мощи... Поскольку эта слабость известна Англии и Франции так же хорошо, как и нам, англо-французское руководство, если оно захочет уничтожить Германию, попытается любой ценой добиться этой цели»¹⁷.

Итак, руководство Германии в поисках решения проблемы поочередного разгрома европейских держав вынуждено было принять ту же общую стратегическую схему войны, которой в свое время придерживался кайзеровский генеральный штаб. 23 мая 1939 г. А. Гитлер, допуская даже вероятность одновременной борьбы на два фронта, заявил на совещании высшего генералитета: «Союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии потребует сначала напасть на Англию и Францию, нанеся им быстрые уничтожающие удары»¹⁸.

Вопрос о развязывании большой войны являлся для гитлеровского руководства решенным делом. Еще в 1936 г. оно установило срок готовности экономики и вооруженных сил Германии к войне — 1939 г. На совещании политических и военных руководителей Германии 5 ноября 1937 г. было решено приступить к практическому осуществлению агрессивного курса. В общем и целом концепция войны была готова. Она выглядела так:

1. Сначала ликвидация «буферных» государств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в целях улучшения стратегических и экономических позиций Германии для борьбы против главных противников в Европе — СССР и Франции, а также Великобритании;
2. Нанесение первого удара на западе с целью разгрома Франции, вывода из войны Великобритании, занятия всей Западной Европы, чтобы создать решающие стратегические и экономические предпосылки для сокрушения Советского Союза;
3. Разгром Советского Союза как важнейшее условие установления полного господства фашистской Германии в Европе и последующей борьбы за мировое господство.

Против планов развязывания войны, озвученных А. Гитлером и верхушкой германского генералитета, выступил начальник генерального штаба

сухопутных войск генерал-полковник Людвиг Бек. В своих многочисленных аналитических записках политическому руководству он выразил точку зрения, согласно которой Германии, намного уступающей в совокупном военном и экономическом потенциале европейским державам, не удастся избежать борьбы на два фронта. Поэтому она потерпит поражение и будет «выдана на милость победителей». Он был даже против захвата Чехословакии, считая, что это приведет к европейской войне. Большинство немецкого генералитета не поддержало Бека и его немногочисленных сторонников. Гитлер назвал его «нытиком». В августе 1938 г. он был вынужден уйти в отставку.

20 февраля 1938 г. А. Гитлер заявил с трибуны рейхстага о готовности Германии «взять под защиту» 10 миллионов немцев, проживавших в Австрии и Чехословакии. Это была открытая заявка на развертывание агрессии в Центральной Европе. 12 марта Германия без труда удалось осуществить аншлюс Австрии. Сразу после этого началась подготовка к захвату Чехословакии. Этому содействовала политика «умиротворения» Великобритании и Франции. 30 сентября 1938 г. их премьер-министры — Н. Чемберлен и Э. Даладье — подписали Мюнхенское соглашение с Гитлером и Б. Муссолини. Судетская область передавалась Германии. Четыре державы брали на себя гарантии неприкосновенности оставшейся части Чехословакии. Но они остались на бумаге. 15 марта 1939 г. вермахт в один день оккупировал Богемию и Моравию, прекратив существование независимого чехословацкого государства. На очереди стало более крупное «буферное» государство — Польша. 3 апреля 1939 г. был установлен срок готовности к нападению на нее — 1 сентября.

Экспансия Германии в Центральной Европе не могла не вызвать тревоги среди трезво мыслящих политиков во Франции и Великобритании, опасавшихся, что эта экспансия может превратиться в смертельную угрозу и для их стран. В знак протеста против политики Н. Чемберлена в отставку подал министр иностранных дел Великобритании Э. Иден. В марте 1939 г., вскоре после оккупации Чехословакии, французский посол в Берлине докладывал своему правительству: «Потребуется ли Германии Гитлера передышка в связи с поднявшейся волной возмущения, которую вызвали ее действия, после того как она в течение года приобрела 18 млн. новых подданных, среди них 7 млн. инородцев? Или она, скорей всего, продолжит свое продвижение в восточном направлении, используя достигнутую внезапность и растерянность центрально-европейских государств? Не поддастся ли она искушению повернуть на запад, чтобы наконец сломить сопротивление западных держав, которые ограничивают ее свободу действий на востоке? Другими словами, не поддастся ли фюрер соблазну возвратиться к идеям, выраженным ранее в его книге „Моя борьба“ и, между прочим, полно-

стью совпадающим с классическими принципами германского генерального штаба, заключающимися в том, что империя может выполнить свою историческую задачу на востоке лишь после разгрома Франции и вытекающего из него полного подрыва мощи Англии на континенте»¹⁹. В британских правящих кругах после захвата Германией Чехословакии появились сомнения в правильности курса на канализацию нацистской экспансии в сторону СССР. Генеральный штаб Великобритании очень низко оценивал боеспособность Красной Армии после сталинских «чисток» и опасался, что если Германия нападет на Советский Союз, он будет быстро разбит. Тогда А. Гитлер установит свое безраздельное господство на континенте, и Великобритании придется очень туго.

Следует отметить, что советский Генеральный штаб в 1930-е гг. правильно определил сущность германской стратегии. Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский в статье «Военные планы нынешней Германии», опубликованной в «Правде», писал в той мере, в какой ему позволял его официальный пост: «Само собою понятно, что империалистические планы Гитлера имеют не только антисоветское острие. Это острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс). Помимо всего прочего, нельзя отрицать и того, что Германии нужна французская руда. Ей необходимо и расширение ее морской базы. Опыт войны 1914–1918 гг. показал со всей очевидностью, что без прочного обладания портами Бельгии и северными портами Франции морское могущество Германии невозможно построить»²⁰. Конечно, И. В. Сталин был информирован об этих оценках Генерального штаба. Они наводили на мысль о возможности использовать в «классовых интересах» эти планы А. Гитлера для создания «Мюнхена наоборот», что и было сделано 23 августа 1939 г.

С 1933 г. советская дипломатия активно стремилась создать систему коллективной безопасности против угрозы нацистской агрессии. В июне 1933 г. Советский Союз обратился ко всем странам с предложением подписать конвенцию об определении агрессии и нападающей стороны (агрессора). В июне 1934 г. Советский Союз выступил за сокращение и ограничение вооружений, за выработку соглашений, гарантирующих безопасность европейских государств, за принятие превентивных мер, способных предотвратить военные конфликты. В сентябре 1935 г. в противовес концепции «западной безопасности» советский нарком иностранных дел М. М. Литвинов провозгласил в Лиге Наций лозунг: «Мир неделим!» «Мир..., — заявил он, — может быть лишь результатом коллективных усилий и коллективных материальных гарантий».

Но на фоне предвоенного кризиса, поразившего Европу в марте 1938 г., особенно явственно проявилась «классовая близорукость» и ущербность

предвоенной политики как западных держав, так и сталинского руководства, оказавшихся неспособными трезво оценить угрозу, исходившую от Германии, и принять коллективные меры противодействия ей. Вместо этого они позволили А. Гитлеру ловко обыграть противоречия между ними в своих интересах. В результате на свет появился пакт о ненападении между Германией и СССР²¹. Он означал громадную победу нацистской дипломатии и нанес трудно измеримый ущерб национальным интересам Советского Союза и остальных стран Европы. Его заключение не было согласовано И. В. Сталиным ни с Политбюро, ни с Верховным Советом. Пакт сыграл роковую роль в развитии Европы. Благодаря ему Гитлер смог бросить вермахт против Франции, не опасаясь за свой тыл на востоке. Произошел раздел Польши и были установлены сферы влияния между нацистской Германией и Советским Союзом в Европе. Демократическое антифашистское движение было сбито с толку и деморализовано. Развязанная Гитлером война в Европе быстро переросла в мировую.

Из анализа развития военно-политических событий в Европе, приведших к Второй мировой войне, можно сделать некоторые поучительные выводы.

1. В развязывании войны были повинны в той или иной степени все ведущие европейские державы. Главная и исключительная вина лежит на гитлеровском руководстве Германии, рвавшемся к войне. Мюнхенская политика западных держав, как и пакт о ненападении между Германией и СССР способствовали развязыванию нацистской агрессии.
2. Источником войны всегда служила и служит политика глобального (или регионального) господства. Она является самым деструктивным и опасным фактором международных отношений. Это можно отчетливо видеть на примере идеологии, политической и военной доктрины нацистской Германии.
3. Политика господства над народами, проводимая великой (или супер-) державой, может иметь временный успех, если ей не противопоставлен

объединенный фронт стран, национальным интересам и существованию которых угрожает эта держава. Разобщенность сил, призванных противостоять политике господства, позволяет экспансивной державе добиваться своих целей и развязать войну.

4. Своими действиями на международной арене экспансивная держава создает обстановку предвоенного политического кризиса, который, как правило, заканчивается всеобщей войной.
5. Характерными признаками предвоенного политического кризиса являются: а) решимость экспансивной державы установить свое глобальное или региональное господство; б) проведение ею локальных войн с целью расширения своих военно-стратегических и экономических позиций; в) ее неукротимое стремление установить военное превосходство на глобальном или региональном уровне над потенциальными противниками путем гонки вооружений; г) политика дестабилизации и разобщения противостоящих ей сил; д) создание из зависимых и покоренных стран коалиции, служащей интересам экспансивной державы.
6. Никогда еще политика господства не приносила окончательного успеха и обязательно заканчивалась поражением экспансивной державы. Об этом свидетельствует исторический опыт со времен Наполеона.

Нетрудно заметить, что эти выводы очень переключаются с развитием международной обстановки после распада Советского Союза, которая характеризуется переходом правящих кругов США к активной политике глобального господства. Цели и принципы этой политики были изложены в «Проекте создания нового американского века» (The Project for the New American Century, PNAC), легшего в основу внешнеполитического курса администрации Дж. Буша-мл. Но уже к концу его президентства выявился глубокий кризис этого курса, усиленный глобальным финансово-экономическим кризисом. Чем окончится этот кризис, не знает пока никто.

¹ Зайончковский Л. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 1. С. 61.

² Beck L. Studien. Stuttgart, 1950. S. 156.

³ Клаузевиц К. О войне. М., 1941. Т. 1. С. 211–212.

⁴ Куль Г. Германский генеральный штаб. М., 1922. С. 180.

⁵ В полном виде эта памятная записка впервые опубликована в 1956 г. в ФРГ Г. Риттером (Ritter G. Der Schlieffenplan. Munchen, 1956).

⁶ Подробнее об этом см.: Дашичев В. И. Проблема борьбы на два фронта в стратегии германского милитаризма // Германский империализм и милитаризм. М., 1965.

⁷ Имея в виду эту двойственность в политике западных держав, в первую очередь Франции, Дж. Кейнс очень образно писал: «То же самое противоречие целей явственно выступает в позиции, занятой Советом союзников в Париже по отношению к нынешнему германскому правительству. Победа спартакизма в Германии явилась бы прелюдией к революции повсюду; она увеличила бы силы большевизма в России и ускорила бы ее страшный союз с Германией; она, несомненно, положила бы конец всем ожиданиям, построенным на финансовых и экономических статьях мирного договора. Вот почему Париж не любит спартакизм. И, с другой стороны, победа реакции в Германии, по общему мнению, явилась бы угрозой спокойствию Европы и подвергла бы опасности все плоды победы союзников и основы мира. Кроме того, новая военная сила, утвердившаяся на востоке, имея свой духовный центр в Бранденбурге и привлекая к себе все военные таланты и всех

воинственных искателей приключений, всех тех, кто с любовью вспоминает об императорах и ненавидит демократию, сила, охватывающая Восточную, Центральную и Юго-Восточную Европу, географически недоступная для военного проникновения союзников, могла бы создать, как по крайней мере представляется воображению робких умов, новое владычество наполеоновского стиля, подобно фениксу возродившееся из пепла мирового милитаризма. Вот почему Париж не любит Бранденбург» (Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского мирного договора. М., 1924. С. 132).

⁸ Weizsäcker E. Erinnerungen. München, 1950. S. 154.

⁹ Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a. M., 1962. S. 103–104.

¹⁰ Hitler A. Mein Kampf. Berlin, 1937. S. 615.

¹¹ Ebenda. S. 662. См. также: Strasser O. Hitler and J. New York, 1940. P. 209.

¹² Adolf Hitlers zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928 / Institut für Zeitgeschichte, Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Band VII. Stuttgart, 1961. S. 163.

¹³ Rauschning H. Gespräche mit Hitler. Zurich, 1940. S. 126.

¹⁴ International Military Tribunal (IMT). Vol. 39. P. 96–97.

¹⁵ IMT. Vol. 36. Doc. 79-L.

¹⁶ Военно-исторический журнал. 1961. № 4. С. 88.

¹⁷ IMT. Vol. 37. Doc. 052-L. P. 472, 473.

¹⁸ IMT. Vol. 36. Doc. 79-L.

¹⁹ Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Geschichte des zweiten Weltkrieges / Herausg. von M. Freund. Band II. Freiburg, 1954. S. 38.

²⁰ Правда. 1935. 31 марта.

²¹ Подробно об этом пакте см.: Дашичев В. И. «Классовая» недальновидность. Что скрывалось за пактом о ненападении между Гитлером и Сталиным. Прошлое будущего // Политический класс. 2008. № 11. Ноябрь.